

НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ О БОЯХ НА ПОДСТУПАХ К ГОРОДУ И БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

N. A. Lomagin. German Documents on the Military Operations before the City and the Siege of Leningrad. The article analyses strong and weak points of the intelligence data on the situation in the besieged city, prepared by the German special services. In general they provided correct description of the measures, undertaken on the Soviet side, informed the military command about capacities of the Leningrad industry and exercised significant influence upon the German propaganda.

В предыдущей публикации, посвященной блокаде¹, мы отмечали, что в обилии литературы о самой продолжительной и наиболее жертвенной битве Второй мировой войны лишь малое место занимали собственно документы² — документы высших органов власти и управления противоборствующих сторон, военного командования группы армий «Север» и Ленинградского фронта, а также спецслужб Германии и СССР. До сих пор в исторической литературе основное внимание уделялось решениям Гитлера «не брать» Ленинград, «стереть его с лица земли» и т. п., а изменение его взглядов объяснялось, главным образом, психологической неуравновешенностью. Применительно к битве за Ленинград, материалы немецких военных органов уровня армии и ниже, а также спецслужб о положении в городе и на фронте в отечественной литературе представлены фрагментарно³.

В данной статье речь пойдет о характеристике немецких источников, относящихся к боям на подступах к Ленинграду и первым месяцам блокады. Выбор этого достаточно короткого промежутка времени (с конца августа 1941 г. по январь 1942 г.) связан не только с чрезвычайной насыщенностью его важными для всего хода войны с Германией событиями, но и необходимостью уточнения ряда вопросов, которые до сих пор остаются дискуссионными. К ним относятся как проблемы общего порядка (роль вермахта в совершении преступлений в годы Второй мировой войны), так и частные сюжеты, относящиеся к уточнению позиций сторон по вопросу о будущем Ленинграда в конце августа—начале сентября 1941 г. — декабре 1941 г.

Мы уже отмечали, что ситуация под Ленинградом в конце августа—сентябре 1941 г. в Смольном, Кремле (да и в Лондоне) рассматривалась как в высшей степени критическая. В связи с этим советское руководство принимало чрезвычайные меры для защиты города, а при невозможности продолжения сопротивления готовилось к проведению в нем специальных мероприятий. Для контроля за осуществлением этих мероприятий в город, как известно, прибыл заместитель наркома НКВД В. Н. Меркулов.

¹ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб.; М, 2002. Кн. 1. С. 7.

² Изданные на страницах «Известий ЦК КПСС» в период либерализации отдельные материалы ГКО о ситуации вокруг Ленинграда в августе 1941 г. и сборник «Ленинград в осаде» (СПб., 1995) являются наиболее существенным вкладом в расширение источниковой базы исследований о блокаде.

³ См., например, материалы Нюрнбергского процесса, а также ряд публикаций научного характера: Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992; Соболев Г. Л. Блокадный мартиролог: будет ли он закончен? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. (№ 16). 1994. С. 3—8.

В западной историографии существует довольно распространенное мнение, согласно которому Ленинград не был взят потому, что немцы никогда не ставили перед собой такую задачу и, по словам командующего 18-й армией Линдемана, «ни разу его серьезно не атаковали»⁴. С. Митчем уверен, что в начале сентября 1941 г. «Ленинград был обречен, но в самый последний момент спасение пришло к нему <...> от самого Адольфа Гитлера, [который] <...> 12 сентября приказал Леебу не брать город штурмом, а блокировать его, чтобы измором принудить его к капитуляции»⁵. Это мнение западных историков опирается как на анализ немецких документов, относящихся к периоду планирования операции «Барбаросса», так и к событиям на фронте группы армий «Север» с 10 июля по август 1941 г. включительно.

В исследовательской и мемуарной литературе существует несколько точек зрения на этот вопрос. При этом авторы ссылаются как на известные источники (дневники Ф. Гальдера, опубликованные воспоминания немецких генералов⁶), так и на весьма редкие источники, включая беседы Гитлера с Муссолини в изложении Чиано (Л. Гуре). Вероятно, решающее значение, определившее судьбу Ленинграда, имели следующие обстоятельства. Во-первых, опыт боев за большие города (Варшаву, Смоленск и Киев) показал Гитлеру, что их взятие при мало-мальски организованном сопротивлении неизбежно сопряжено с большими потерями живой силы наступающих. Имея в виду ожесточенный характер борьбы и самоотверженность советских войск на подступах к Ленинграду резонно было полагать, что штурм города может попросту обескровить вермахт. Однако помимо общих рассуждений о перспективах борьбы за Ленинград командование группы армий «Север» могло также и существенно *переоценить* возможности оборонявшихся, не будучи в состоянии определить, насколько уверенно чувствует себя власть в Ленинграде.

Только обладание источниками информации на уровне высшего военного и партийного руководства города или же органов госбезопасности могло дать такое знание. Как известно, в руках немецкой разведки оказались нескольких генералов, попавших в плен на Ленинградском фронте летом 1941 г. и давших показания органам военной разведки. Однако ни один из оказавшихся в плену генералов не входил в узкий круг руководства обороной города и не обладал полнотой информации о положении в партии и о настроениях населения.

Во-вторых, на определенном этапе борьбы за Ленинград немецкое командование не оставляло надежд убедить Маннергейма в необходимости нанесения удара в направлении Ленинграда с тем чтобы переложить на финскую армию то, что не удалось сделать вермахту — окончательно сломить сопротивление Красной Армии. В-третьих, немецкое командование могло отказаться от идеи штурма потому, что оно было уверено в том, что город *уже* практически взят⁷. В-четвертых, судьба распорядилась так, что таланты немецкого фельдмаршала Риттера фон Лееба в ходе Второй мировой войны использовались не по назначению. Он был признанным экспертом по организации обороны. Его работа «Оборона» была издана в 1938 г. германским военным ведомством и позднее переведена на английский язык. Некоторые из его ранних трудов изучались советскими военными экспертами и использовались при подготовке

⁴ Цит. по: Ковальчук В. М. Битва за Ленинград // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города. Под ред.: В. М. Ковальчука., Н. А. Ломагина, В. А. Шишкина. СПб., 1995. С. 24.

⁵ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. С. 194.

⁶ См., например: Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Х. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.; Москва, 1998.

⁷ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 21.

Полевого устава 1940 г. Однако именно ему было поручено взять Ленинград и осуществить успешно наступательную кампанию в северной части СССР.

Нечеткость плана всей операции на северо-западе, недостаточность ресурсов возглавляемой им группы армий «Север» и, что существенно, отсутствие у Лееба опыта командования крупными танковыми соединениями и понимания сложностей, с которым может столкнуться его группа армий при штурме Ленинграда, наряду с изменением планов Гитлера в отношении северной столицы СССР — все это предопределило выбор иных средств борьбы за Ленинград⁸. Наконец, сомнения могли возникнуть и в связи с тем, что немецкое руководство весьма смутно представляло себе, как поступить с населением огромного города после его взятия⁹.

Действительно, что знало немецкое командование о положении в Ленинграде — о настроениях в армии и среди населения, о нарастающем кризисе доверия к демонстрировавшей свою слабость власти, об опасном росте антисоветских, антисемитских и пораженческих настроений? Только ли дело в Гитлере, который «вопреки мнению военных» не довел начатое дело до конца и переориентировался на Москву, забрав для взятия советской столицы у группы армий «Север» значительные силы?

Очевидно, что в данном случае речь может идти лишь о новых акцентах и об уточнении позиции немецкой стороны на основании источников не верховного командования или даже группы армий «Север», а тех соединений, на которые возлагались основные задачи на ленинградском направлении.

Как свидетельствуют материалы 18-й армии и группы армий «Север», в конце августа 1941 г. немецкие войска несли существенные потери на подступах к Ленинграду. Особую тревогу немецкого командования вызывало то, что более трети унтер-офицеров выбыло из строя. Все это убеждало его в том, что штурм Ленинграда нецелесообразен.

Вечером 29 августа 1941 г. командующий 18-й армии Кюхлер доносил командованию группы армий, что введение в бой под Ленинградом все новых резервов позволяет противнику оказывать сопротивление значительными силами пехоты. Хотя ей оказывают поддержку очень малое количество артиллерии и всего несколько танков, она всегда находит возможность к продолжению сопротивления на местности, которая не просматривается.

«В большинстве случаев, — продолжал Кюхлер, — это приводит к тому, что наступающие части в ближнем бою несут значительные потери в живой силе. Принимая во внимание очень скудные силы пехоты, а также нехватку резервов, дальнейшие значительные потери живой силы представляются недопустимыми». В связи с этим Кюхлер отдал приказ при- дать каждой пехотной дивизии по танковой роте¹⁰.

30 августа Кюхлер сообщал командованию группы армий «Север», что «потери унтерфицеров значительно превосходят допустимые нормативы для маршевых батальонов. До недавнего времени в составе батальона на 1000 человек приходилось всего 15 унтер-офицеров <...>. Именно на них возлагаются основные задачи по поддержанию в войсках сплоченности, дисциплины и чувства товарищества». Кюхлер просил командование дать распоряжение о скорейшем возвращении раненых унтерфицеров после их выздоровления по возможности на места их прежней службы¹¹.

Приказ № 1 по группе армий «Север» 29 августа 1941 г. по поводу окружения города Ленинграда также недвусмысленно отражал позицию командующего группы ар-

⁸ См.: Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. С. 13–14, 181–182.

⁹ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 25–28.

¹⁰ Национальный Архив США. Микрофильм. Т-312-790/8443828.

¹¹ Там же. Т-312-790/8443828-29.

мый относительно средств борьбы за Ленинград и тех задач, которые ставились перед отдельными соединениями на ближайшую перспективу. Как явствует из документа, речи о штурме Ленинграда в нем не шло. Лееб надеялся, что под давлением немецких войск город падет и в его занятии вермахт примет минимальное участие. Если же этого не случится, и защитники Ленинграда будут продолжать оказывать сопротивление, то Ленинград следует блокировать. В частности, в приказе Лееба говорилось:

- «1) При достижении границы Ленинграда (приказ по армии № 5 о наступлении, 1а № 1960/41 командующего армией от 21 августа 1941 г.) следует, по мере возможности, продолжить наступление с целью окружения города (здесь и далее курсив наш. — Н. Л.). Следующей целью наступления является по-прежнему рубеж между Шлиссельбургом и Ивановским с форсированием Невы и выходом на рубеж Ижора—Детское Село—Пулково—Урицк. В дальнейшем, если будет позволять ситуация, сузить кольцо до рубежа близ Пороховых—Александровское—Купчино—Урицк.
- 2) увеличение разграничительной линии между 16-й армией (группа Шмидта) и 4-й танковой армией: станция Владимирская (16)-Гукколово (16)-течение ручья между Детским Селом и Пулково; граница между 4-й танковой армией и 18-й армией будет обозначена позднее.
- 3) группа Шмидта 16-й армии на участке Невы захватывает плацдарм — <...> у Дубровки, а также электростанцию под Дубровкой. Она ведет наблюдение за южным берегом Ладоги до устья Волхова, а также обеспечивает подход 18-й мотопехотной дивизии к Волховстрою на участке между Волховом и Волховстроем. Кроме того, она ведет разведку в районе Волховстроя. После приведения в боевую готовность необходимого количества живой силы, группа форсирует Неву в направлении юго-восточного фронта под Ленинградом. Командование группы армий оставляет за собой право принятия решения о начале наступления. 16-я армия в срочном порядке оснащает группу Шмидта достаточным количеством инженерных средств (для форсирования Невы) в районе Дубровки и Островков. Линией разграничения с финскими войсками предложена ж. д. ветка между станциями Борисово-Пороховые <...>.
- 4) 4-й танковой армии надлежит до подхода 18-й армии выйти на рубеж до Урицка и оборонять свой левый фланг <...>. С сужением кольца вокруг Ленинграда и подходом 18-й армии будет происходить высвобождение сил. Танковая армия в первую очередь высвобождает моторизованные части, которые могут быть использованы для развития наступления в направлении низовьев Волхова и соединения с финскими войсками в районе Свири на востоке Ладожского озера. При занятии Ленинграда следует рассчитывать в первую очередь на главное командование военно-воздушных сил, полицейскую дивизию СС, и еще одну дивизию, которая будет назначена позднее, вероятно, из состава 18-й армии.
- 5) 8-я армия продолжает наступление в восточном направлении своим правым крылом на Проковсино <...>.
- 6) Ведение боевых действий на подступах к Ленинграду <...>. В случае, если фанатично настроенная часть населения будет оказывать существенное сопротивление, необходимо, по возможности, обходить такие промышленные города как Колпино и прорывать оборону (ударами) с тыла или же окружать их и оставлять неза занятыми. Что же касается самого Ленинграда, то в случае, если он будет оказывать сопротивление, наступления силами пехоты не будет проводиться. Город следует окружить и отрезать от подвоза продовольствия. Находящиеся в зоне досягаемости военные цели и склады подлежат уничтожению. Источники электроэнергии (Волховстрой и Дубровка) подлежат отключению. В случае, если они (источники) находятся вне зоны прямой досягаемости, их следует разрушить ударами с воздуха или же силами артиллерии. Кроме того, следует продолжить бомбежки и артобстрелы города»¹².

Таким образом, суровая правда рассматриваемого периода противостояния под Ленинградом состоит в том, что в конце августа силы обеих сторон были практи-

¹² Национальный архив США. Группа армий «Север». Приказ командующего. Т-312-790/8443877-79.

чески полностью истощены. Немецкая армия без дополнительной поддержки за счет других направлений не могла рассчитывать на успех, несмотря на развитие негативных тенденций как в среде военно-политического руководства Ленинграда, так и защитников, и населения Ленинграда.

Второй проблемой, требующей дополнительного изучения, является оценка немецкими спецслужбами развитие ситуации в городе осенью 1941 г., а также определение роли вермахта в преступлениях, совершенных в годы Второй мировой войны. Ведущаяся сейчас в Германии работа по всестороннему изучению деятельности вермахта в оккупированных странах в рамках решения в целом благовидной задачи по определению **конкретных** виновников многочисленных злодеяний нацистов, ставит под сомнение обоснованность решения международного трибунала в Нюрнберге, который отнес вермахт к числу преступных организаций. Рассуждения некоторых немецких историков о том, что «только 5 процентов» немецких солдат участвовали в военных преступлениях, а остальные честно и в рамках существовавшего в то время международного права несли службу¹³, доведенные до своего логического завершения, вероятно, имеют своей целью показать, что военнослужащие вермахта были такими же жертвами нацизма, как и те, кто погиб или пострадал от гитлеризма в годы Второй мировой войны. С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что вплоть до окончания войны Гитлер пользовался поддержкой большинства немцев, включая тех, кто находился на фронте¹⁴. Применительно к битве за Ленинград речь, вероятно, может идти о выявлении того, **что** немецкое военное руководство на разных уровнях знало о положении в блокированном городе и **что** оно предпринимало для достижения поставленной задачи по овладению городом. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к немецким источникам по истории блокады.

Характеристика немецких источников.

Большую часть материалов СД и военной разведки 18-й армии нам удалось выявить в Национальном Архиве США в Мэриленде. Недостающие сводки СД были найдены в бывшем Особом архиве в Москве (ныне — Центр Хранения историко-документальных коллекций). Нами были изучены все донесения центрального аппарата СД о положении в СССР и отобраны те, в которых есть упоминания о положении в Ленинграде, либо о положении на Ленинградском фронте¹⁵. В общей сложности нами выявлено и проанализировано более пятидесяти специальных донесений немецких спецслужб о положении в Ленинграде и вокруг него, а также несколько десятков документов различных ведомств, относящихся к оценке ситуации на Ленинградском фронте¹⁶.

¹³ Например, сопредседатель российско-германской исторической комиссии профессор Мюнхенского университета Х. Меллер в докладе на семинаре немецких и французских историков о проблемах изучения роли вермахта в оккупации в Европе, который состоялся в Париже 21 января 2002 г., привел этот аргумент, упоминающийся в литературе, наряду с другими, требующими, по его мнению, дополнительного изучения.

¹⁴ *Kirshaw I. The «Hitler Myth». Image and Reality in the Third Reich. Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 149–169.*

¹⁵ Сводки Айнзатцгруппы А СД использовались в качестве вещественного доказательства в ходе работы Нюрнбергского трибунала. См.: *Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. Volume XXXVII. Official Text. English Edition. Documents and Other Material in Evidence. Numbers 257-F to 180-L. Nuremberg. 14 November 1945 – 1 October 1946. Nuremberg, Germany, 1949. P. 671–717.*

¹⁶ В 1988–89 гг. нам удалось изучить эти материалы в период написания канд. диссертации, имевшей гриф «для служебного пользования».

В тотальной войне разведка играла огромную роль, предоставляя информацию для принятия решений военно-политического, экономического и пропагандистского характера. Документы таких специфических ведомств, как СД и абвер, требуют всестороннего анализа и тщательной проверки, сопоставления с другими источниками, прежде всего, советскими. Только привлечение архивных материалов спецслужб обеих сторон, а также разнообразных документов из российских военных и бывших партийных архивов позволяет воссоздать более или менее объективную картину истории блокады и выявить то «новое» знание, которое дают нам собственными материалами германских военных органов и спецслужб.

Документы немецкой военной разведки (не говоря уже об СД) свидетельствуют о том, что военное командование уровня дивизии и выше было прекрасно осведомлено о голоде и массовой смертности в период блокады практически с самого начала ленинградской трагедии. Факт остается фактом — в течение двух с половиной лет силами группы армий «Север» планомерно осуществлялось истребление населения огромного города и его инфраструктуры. В нем принимали участие не только высшие и старшие офицеры вермахта, отдававшие преступные приказы, но и сотни командиров артиллерийских расчетов и члены экипажей бомбардировщиков, на картах которых наряду с военными и промышленными объектами Ленинграда обозначались продовольственные склады, госпитали и т. п.

По данным немецких военных, от бомб и снарядов в Ленинграде за первый год блокады погибло «не более 10 процентов» всех жертв или около 100 тыс. чел.¹⁷ Один из высших чинов групп армий «Север» прямо заявлял о том, что соблюдение норм международного права в войне с СССР необязательно, тем самым, отпуская «грехи» военнослужащим вермахта. Конечно, с точки зрения изучения сопротивления нацизму внутри вермахта было бы чрезвычайно интересно обнаружить примеры активного или пассивного сопротивления тому, что творилось на восточном фронте, в целом, и в ходе битвы за Ленинград, в частности. Но это, очевидно, предмет самостоятельного большого исследования¹⁸.

В каждом документе немецких спецслужб о Ленинграде есть информация об общей ситуации в городе, положении на фронте, снабжении, настроении населения и личного состава Красной Армии, пропаганде, работе промышленных предприятий, деятельности органов власти. В центре внимания разведорганов Германии были деятельность руководства города и должностных лиц, а также целый ряд чисто военных вопросов, которые представляли «исключительный интерес» для командования 18-й немецкой армии. Речь шла, прежде всего, о расположении военных и промышленных объектов Ленинграда. Выявленные в ходе допросов военнопленных¹⁹, а также агентурным путем новые данные наносились на карты и учитывались при планировании бомбовых и артиллерийских ударов по Ленинграду.

¹⁷ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2001. С. 134.

¹⁸ Лучшим, на наш взгляд, до сих пор остается исследование П. Хоффмана, которое, однако, практически не рассматривает вопросы пассивного сопротивления нацизму. — Hoffman, Peter. German Resistance to Hitler. Harvard University Press, Cambridge, 1988.

¹⁹ В военные месяцы 1941 г. количество советских военнослужащих, оказавшихся в плену частей 18-й армии, входившей в состав группы армий «Север», было весьма значительным. В период с 22 июня по 20 октября 1941 г. в немецком плену оказалось 122 447 человек, причем с 11 октября по 20 октября 1941 г. в период относительной стабилизации фронта в плен 18-й армии попали 4802 человека. См.: Ломагин Н. А. В тисках голода. С. 64.

У каждой из немецких спецслужб была своя специфика, задачи и источники информации. В отличие от СД, полагавшейся большей частью на материалы допросов военнопленных, перебежчиков, а также информацию, добытую агентами, *военная разведка* активно занималась радиоперехватом и получала множество советских трофейных документов (в том числе приказы Ставки ВГК, Военного Совета Ленфронта, отдельных армий и дивизий, материалы допросов военнопленных, среди которых были и генералы — Закутный, Егоров, Кирпичников и др.). Не случайно, качество информации по ряду вопросов, подготовленной немецкой военной разведкой, было подчас существенно выше, чем в СД. Однако с наступлением позиционной войны под Ленинградом осенью 1941 г. количество советских трофейных документов заметно сократилось, и военная разведка утратила это свое преимущество.

Сводки немецких спецслужб различаются по количеству и качеству информации, а также по оперативности. Материалы СД дают информацию не только о Ленинграде, но и о борьбе с партизанами и с советской разведкой. Они показывают характер и содержание отношений СД и вермахта. Некоторые документы обобщающего характера о Ленинграде имели своей целью уточнение общей стратегии продолжения войны и более глубокое изучение противника. Кроме того, заключения Гимmlера о ситуации в Ленинграде, сделанные в октябре 1942 г., легли в основу обращения к высшему командному составу вермахта относительно «бесчеловечности Советов», принесших в жертву сотни тысяч мирных жителей, с целью оправдания варварских методов ведения войны на восточном фронте. В документе, озаглавленном «*Die Sowjetische Massnahmen zur erfolgreichen Verteidigung Leningrads*» («*Мероприятия Советов по успешной обороне Ленинграда*»), говорилось: «Пусть все увидят, с каким жестоким, хладнокровным противником нам приходится иметь дело. В отношении его не может быть и речи о заключении договора или жалости, нужна только суровость и еще большая твердость».

Гимmlер заявил, что советская власть, руководствуясь соображениями военно-стратегического порядка, обрекла население Ленинграда на голодную смерть. Для немецкого руководства оборона Ленинграда оказалась еще одним подтверждением «верности» теории нацизма, «призванного решить проблему аваров, монголов, татар и турок»²⁰.

Одной из особенностей донесений немецких спецслужб было и то, что в них всегда указывался тип источника информации (агент, показания военнопленных, советские трофейные документы и т. п.). При этом, если речь шла о сведениях, добытых агентурным путем, в спецсообщениях никогда не упоминались даже псевдонимы агентов. Агентурная работа не прекращалась и после того, как в Ленинграде была создана мощная заградительная служба и выставлены многочисленные контрольно-пропускные посты и патрули. Например, в конце февраля 1942 г. группа немецких агентов смогла проникнуть в город со стороны Финского залива. Она тщательно обследовала районы Новой и Старой Деревни, центра города, включая территорию, прилегающую к Смольному, расположение военных кораблей на Неве, и затем после недельного пребывания в Ленинграде через Лахту вернулась обратно, нанеся на карту несколько десятков военных объектов, мест сосредоточения сил МПВО, складов и т. п.²¹

Материалы немецкой военной разведки дополняют картину настроений в частях Ленинградского фронта. Они не только приводят выдержки допросов военно-

²⁰ Цит. по: *Ломажин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 149.

²¹ Национальный архив США. 18-я армия. Отдел 1 с. Микрофильм. Т.-312/1585-28-33.

пленных, но и дают ссылки на материалы обзоров писем, задержанных советской военной цензурой. Этот источник исключительно важен, потому что в советских архивах отложились далеко не все копии этих документов. Что же касается материалов допросов военнопленных, то следует учитывать, что часть красноармейцев, попавших в немецкий плен, особенно тех, кто добровольно перешел на сторону противника, сгущала краски при даче показаний, стремясь объяснить мотивы измены «безвыходностью» положения защитников Ленинграда.

В письмах в Ленинград, написанных во второй половине октября 1941 г. и задержанных военной цензурой, военнослужащие указывали на обилие раненых и обмороженных в частях фронта, на отсутствие взаимопомощи на поле боя и оставление раненых, на пессимизм в отношении перспектив войны: «немцы не успокоятся, пока не возьмут Москву и Ленинград, а там и Япония вступит в войну». Матрос Ф. писал, что «мы переживаем кашмар днем и ночью <...>, что жизнь безнадежна и, вероятно, нам суждено погибнуть», а выздоравливающий В. — о нежелании раненых после излечения возвращаться на фронт²². Характерно, что аналогичные настроения в октябре 1941 г. у части военнослужащих были зафиксированы и органами НКВД. Так, в результате обработки 180 000 писем военнослужащих 8-й армии более 7000 содержали сообщения «отрицательного характера», что говорило о «неблагополучном положении» в частях соединения²³.

Культура работы по составлению отчетов и донесений у немцев была традиционно высокой. Структура отчетов строго соблюдалась, информация тщательно отбиралась и подавалась без повторов. В документах СД и военной разведки в полной степени нашел свое отражение нацистский подход к войне и целям, достижение которых возможно любыми средствами. В них — расчет и педантичное фиксирование того, как гибнут мирные люди, женщины и дети.

Анализ немецких документов показывает, что между СД и военной разведкой осуществлялся обмен информацией. Нередко военная разведка в своих отчетах использовала данные, полученные органами СД. Вместе с тем нельзя не отметить, что в документах службы безопасности СД очевиден сильный идеологический компонент, проявившийся в воинствующем антисемитизме. Так называемому «еврейскому» вопросу неизменно отводилось одно из первых мест в сводках СД. Фиксировались малейшие проявления антисемитизма среди ленинградцев, давались рекомендации органам пропаганды усиливать именно это направление работы, поскольку «наконец-то природный антисемитизм проснулся в русских»²⁴. Вместе с тем, следует отметить, что военная разведка также обращала внимание на развитие антисемитизма, относя его к *существенным* характеристикам «психологии русского солдата». Например, для командования 18-й армии очень оперативно был переведен дневник погибшего на Ленинградском фронте красноармейца, содержание которого было, очевидно, немецкой стороной абсолютизировано. В дневнике отразилось восприятие безымянным автором событий в Ленинграде и в армии в период с 27 ноября 1941 по 7 января 1942 г.

²² Национальный архив США. Отдел разведки 18 армии. Сообщение 31 декабря 1941 г. Микрофильм. Т-312/805/8461074-75.

²³ Ломагин Н. А. В тисках голода. С. 146.

²⁴ Есть достаточные свидетельства того, что антисемитизм, к сожалению, имел место еще до начала блокады. Например, 29 августа 1941 г. на бюро Кировского РК ВКП(б) Ленинграда обсуждался вопрос «Об антисоветских слухах, антисемитизме и мерах борьбы с ними». (ЦГАИПД Спб. Ф. 417. Оп. 3. Д. 34. Л. 2–3).

Практически в каждой ежедневной записи наряду с указанием на полуголодное положение, в котором находились красноармейцы, а также безуспешные попытки политсостава поднять боевой дух солдат, содержались резкие антисемитские высказывания. В дневниковых записях, по сути, был представлен весь «букет» пораженческих и антисоветских настроений (уверенность в техническом превосходстве противника и скорой победе Германии, неверие советской прессе и политрукам и т. п.). Описывая развитие настроений в Ленинграде в конце ноября, автор дневника отмечал, что «ненависть по отношению к евреям-торгашам у народа постоянно растет». Далее в декабре, отражая свою позицию по вопросу о перспективах жизни в случае оккупации страны немецкими войсками, автор дневника отмечал, что русский народ не будет создавать подпольных организаций с целью осуществления революций²⁵.

Неслучайно, что рекомендации военной разведки и СД по ведению пропаганды среди защитников и населения Ленинграда неизменно включали пожелания более активно использовать антисемитизм. Настаивая на более оперативном (в течение 2–3 дней) утверждении текстов пропагандистских материалов, противник сосредоточил в частях группы армий «Север» в середине октября 1941 г. большое количество различных средств доставки пропагандистских материалов, необходимых для распространения 2810 тыс. листовок²⁶. Это было, к примеру, почти втрое больше, чем объем всех пропагандистских материалов группы армий «Центр», выпущенных за военные месяцы 1941 г.

Центральный аппарат СД определял основные направления деятельности своих подразделений на оккупированной территории СССР. Инструктивные письма о составлении сводок показывают спектр интересов немецкой полиции безопасности на всем протяжении войны и, естественно, тематическую заданность материалов, составлявшихся айнзатцгруппами. Однако никакого цензурирования составленных сотрудниками СД документов не проводилось — продвигаясь «снизу вверх», они лишь «обрастали» новыми примерами и обобщениями и, будучи подписанными начальником той или иной айнзатцгруппы, поступали в Главное Управление имперской безопасности.

По свидетельству одного из сотрудников немецкой военной разведки, сводки о положении в Ленинграде также не подлежали какому-либо цензурированию. Однако прогнозы о способности СССР обороняться и наращивать выпуск вооружений, составленные на основании допросов военнопленных, содержащихся в зоне действий группы армий «Север», казались в Берлине фантастическими, а их составители подвергали себя угрозе быть обвиненными в «желании деморализовать военное командование». Некоторые младшие офицеры, высказывавшие в своих сводках пессимистические прогнозы, например, о росте партизанского движения в тылу группы армий «Север», попадали в немилость начальства и откомандировывались²⁷.

Естественно, что материалы немецких спецслужб в не меньшей степени говорят об их составителях, нежели о ситуации в блокированном Ленинграде и частях действующей армии, защищавших его. Ярко выраженный идеологический подтекст, о котором уже говорилось, а также завышенность ожиданий — все это присутствует в немецких материалах. Однако только они выявляют такие стороны подрывной пропагандистской деятельности в период битвы за Ленинград как распространение фальшивых карточек с целью дестабилизации распределения и без того скудных

²⁵ Национальный архив США. 18-я армия. Отдел 1с. Микрофильм 312-1584/1207-1218.

²⁶ Ломагин Н. А. В тисках голода. С. 64, 67.

²⁷ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 355.

запасов продовольствия, соотнесение выдвигавшихся в листовках лозунгов действия с поведением ленинградцев в условиях кризиса и т. п.

В отечественной историографии факт использования противником фальшивых продовольственных карточек не только не нашел своего отражения, но и некоторыми авторами даже отрицался на основании того, что правоохранительным органам он не был известен. Однако вряд ли этот аргумент может рассматриваться в качестве исчерпывающего²⁸. Напротив, тот факт, что УНКВД не зафиксировало попыток противника еще более дестабилизировать положение с продовольствием, может интерпретироваться и с точки зрения отсутствия всеобщего контроля органов госбезопасности и милиции за ситуацией в городе. Более того, в отличие от немецких листовок, которые в большинстве случаев, хоть и вызвали любопытство населения, но не имели для него практически никакого значения, использование карточек могло быть одной из стратегий выживания для части горожан. В пользу этой гипотезы говорит и то, что в самом городе органы НКВД ликвидировали не одну группу лиц, которые наладили производство поддельных карточек и их сбыт. Причем время на поимку преступников уходило значительное — мошенникам удавалось заниматься своим промыслом в течение многих месяцев²⁹.

Далее, ни в одной из выявленных нами листовок, сброшенных над Ленинградом, не содержалось призыва оказывать содействие в наведении немецких бомбардировщиков и артиллерии на важнейшие военные объекты города. Материалы службы безопасности СД свидетельствуют о том, что появление «ракетчиков» в Ленинграде было для нее полным сюрпризом. Из этого можно сделать вывод о наличии реальной, а не мнимой «пятой» колонны, готовой (и помогавшей) немецкой армии взять Ленинград. Наряду с авторами рукописных листовок, распространявшихся в городе, а также анонимных писем в адрес Смольного, редакций газет и радио, военнослужащих и «инициативных» лиц из состава различных «комитетов спасения», составлявших списки советского актива для передачи его противнику в случае сдачи города, «ракетчики» были теми, кто на деле выступал против продолжения сопротивления.

Как явствует из документов германских спецслужб, немцы уделяли огромное внимание военному потенциалу Ленинграда, деятельности ленинградских предприятий и с удивлением для себя обнаруживали все новые и новые данные как о количественных, так и о качественных параметрах вооружений, производимых в городе на Неве. Очевидно, что если бы германское руководство обладало этой информацией раньше, оно, возможно, продолжило бы активные попытки с целью взятия города. Знание того, что в городе производятся новейшие виды оружия (тяжелые танки, «катюши», подводные лодки, разнообразные приборы и др.) могло оказать такое же магическое влияние на Гитлера, как и то, что Ленинград был «оплотом большевизма»³⁰.

²⁸ В разное время о фальшивых немецких продкарточках писал, напр., Д. В. Павлов. См.: Павлов Д. В. Стойкость. М., 1979. С. 75 (Ред.).

²⁹ В 1942 г. УНКВД ЛО ликвидировало несколько групп, в течение нескольких месяцев занимавшихся изготовлением поддельных карточек и продовольственных талонов. См.: Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2001. С. 239–240, 257, 261–262.

³⁰ Гитлер знал о военной промышленности Ленинграда и в августе 1941 г. говорил о заводе по производству «сверхтяжелых танков», обосновывая этим необходимость захвата Ленинграда. См., напр.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 225 (Ред.).